

УДК 947(093)(470.22)

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЛИТВИН

аспирант сектора этнологии Института языка, литературы
и истории, Карельский научный центр РАН
*litvinjulia@yandex.ru***КАРЕЛЬСКАЯ КРЕСТЬЯНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье представлены основные тематические группы опубликованных и архивных источников второй половины XIX – начала XX века, позволяющие проанализировать правовое положение и социокультурный статус карельской крестьянки в семье и сельской общине.

Ключевые слова: история Карелии, гендерная история, источниковедческий анализ, правовое положение женщины, обычное право, семейно-брачные отношения, женская идентичность

Положение женщины в социуме, в конкретной этнокультурной среде привлекает внимание специалистов широкого круга. Одними из первых проявили интерес к этой теме этнографы [3; 76]. При анализе гендерных отношений они опираются в большей степени на полевой материал, а также публикации современников событий, в меньшей степени обращаясь к архивным документам. Историки, напротив, видят ценность исследования во введении в научный оборот неопубликованных данных. Среди них следует назвать Н. Л. Пушкареву, Г. А. Тишкина, И. И. Юкину, А. В. Белову, Л. П. Репину (см., например, [29], [31], [39], [43], [44], [45]). Выпускаются тематические сборники, посвященные гендерным аспектам истории, проводятся всероссийские и международные конференции, свидетельствующие как о расширении круга исследователей, так и о многогранности гендерной проблематики (см. [31]).

Историографическая ситуация в Карелии говорит о заинтересованности ученых в разработке гендерного подхода. Опубликованы работы, затрагивающие отдельные стороны жизни представительниц «слабого пола». Например, роль женщины в старообрядчестве рассматривает И. Н. Ружинская; демографические аспекты изучает И. А. Чернякова; материнство в пореформенной Карелии в культурно-антропологическом ракурсе анализируют М.-Л. Keinänen, О. П. Илюха; в контексте народной культуры карельская женщина представлена в работах этнографического характера (Е. И. Клементьев, А. М. Линецкий, Ю. Ю. Сурхаско, Р. Ф. Тароева, К. Хейкинен и др.). Однако положение карельской женщины в крестьянском сообществе, ее социокультурный статус пока еще не стали предметом пристального рассмотрения.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу источников, необходимо пояснить, что мы понимаем под «историческим источником». Понятие «исторический источник» в научной литера-

туре имеет множество толкований. Современное отечественное источниковедение, восходящее к традиции А. С. Лаппо-Данилевского, ориентирует исследователей на понимание источника как продукта целенаправленной, осознанной деятельности человека [32; 76]. Данное определение формирует исследовательское поле историка в широком смысле слова, подчеркивая многообразие видов и способов фиксации исторических сведений. Он же предложил систематизировать исторические источники в зависимости от целей исследования [32; 86]. В частности, предлагал делить источники по степени ценности для изучения конкретных исторических событий и подразделял их на источники с фактическим содержанием (то, что было) и источники с нормативным содержанием (то, что признавалось должным) [41; 252–253].

Предпринятый нами источниковедческий обзор не претендует на всеобщий охват источников, относящихся к гендерной проблематике. Его цель – в выделении основных тематических групп, в которых имеются сведения о карельской женщине, отражающие ее положение в семье и общине. Статья основана на опубликованных источниках и архивных материалах Национального архива Республики Карелия.

Неопубликованные источники (прежде всего материалы делопроизводства) содержат в значительной мере формализованную и обобщенную информацию о женщине-крестьянке, позволяющую выявить общие и локальные тенденции демографических процессов, степень вовлеченности женщин в ремесленное и кустарное производство, участие в промышленном отходе, дают представление об отношениях женской части сельского сообщества с церковью и школой, с формировавшейся системой медицинского обслуживания, показывают характер женской преступности. Эта информация может быть существенно дополнена в результате обращения к мате-

риалам неофициального характера, среди которых особую ценность для реконструкции жизни и быта карельской женщины представляют публикации дореволюционных авторов второй половины XIX века – путешественников и исследователей, представителей разных социальных кругов и профессий – Н. Березина, М. Д. Георгиевского, И. К. Инхи, М. А. Круковского, Н. Лескова, В. Н. Майнова, И. В. Оленева, С. Паулахарью. Статьи и очерки этих авторов содержат как исследовательский компонент, являющийся предметом изучения историографии, так и многочисленные фиксации событий и явлений, личных впечатлений авторов, что позволяет рассматривать их в качестве исторического источника.

Информацию о семейном и общественном статусе женщины можно также почерпнуть из визуальных источников. Фотографии и зарисовки повседневной жизни, сделанные во время путешествий по Карелии, содержатся в очерках Н. И. Березина, М. А. Круковского, И. К. Инхи.

Законодательные нормы и предписания определялись и санкционировались государством. В «Своде законов гражданских» изложены статьи о родительских правах по отношению к дочерям, обязанностях детей, личных и имущественных правах женщин, включая сведения о приданом, порядке наследования и т. д. [27]. С эпохи Петра I в Российской империи провозглашается принцип приоритета права над обычаем, но в реальности большинство вопросов повседневной жизни крестьянства регулировались нормами обычного права. Для реконструкции норм обычного права карел большое значение имеют статьи А. Я. Ефименко [6] и А. Я. Колясникова [9]. Публикации других дореволюционных авторов (М. Д. Георгиевского, Н. Камкина, В. Никольского, И. В. Оленева) также затрагивают отдельные вопросы правового положения крестьянской женщины [3], [4], [8], [22], [25].

Информацию о повседневных жизненных практиках, о реальном применении законодательной регламентации можно почерпнуть из документов местных органов управления. Прежде всего это дела волостных правлений (Ф. 107, 151, 176, 604, 665–669 и др.), уездных судов (Ф. 170, 187, 234), земских начальников (Ф. 53–55). В них сохранились приговоры сельских обществ о семейных разделах, прошения на рассмотрение дел от крестьянок об оскорблениях со стороны односельчан. Нередко встречаются прошения вдовых крестьянок с просьбой защитить принадлежащую им часть имущества от родственников по линии мужа (Ф. 53, 54, 55, 151). Особенностью указанных фондов является их различная степень наполненности и информативности.

Материалы школьной статистики, отчеты учителей, хранящиеся в фонде директора народных училищ (Ф. 17), отчеты губернских и районных инспекторов народных училищ (Ф. 79, 335, 240),

отчеты уездных училищных советов (Ф. 428) позволяют судить о росте внимания как светских, так и церковных властей к образованию крестьянских детей в целом и девочек в частности [17], [21]. И все же в отчетах по народному образованию констатировалась низкая посещаемость девочками школ и незаинтересованность крестьян в их образовании [28; 3].

Правовое положение женщин также отражено в источниках о правоприменительной практике. Данные о количестве осужденных и составе преступлений выявляют степень соответствия между правовой нормой и действительностью. Информация об уровне преступности содержится в «Памятных книжках» Олонецкой и Архангельской губерний, статьях Б. Гурвича [5], А. Я. Ефименко [6], В. Копяткевича [10]. Неопубликованные материалы по этому вопросу отложились в фонде Олонецкого уголовного и гражданского судов (Ф. 9). Однако при анализе статистических материалов мы можем выявить лишь тенденции, характерные для губернии в целом, поскольку национальная принадлежность преступников обычно не указывалась. В большинстве опубликованных очерков отмечался низкий уровень преступности карел, а число «женских» преступлений было ничтожно мало [15].

Развернутые сведения о внутрисемейном положении женщины – ее домашних обязанностях, взаимоотношениях с членами семьи и других аспектах повседневной жизни – содержатся в очерках дореволюционных авторов. Многие из них отмечали высокий статус карельской женщины в семье как в Олонецкой губернии, так и в Карельском Поморье [8; 665], [24; 254], [25; 92].

Внесемейную повседневность карельской крестьянки условно можно разделить на трудовую, будничную, и досуговую, праздничную. Следует отметить, что с середины XIX века трудовая деятельность женщины вне дома начинает привлекать внимание официальных органов, что является косвенным показателем вовлечения женщин в сферу наемного труда. Согласно законодательству Российской империи, незамужняя женщина могла получить паспорт только с письменного разрешения родителей или опекунов, замужняя – с письменного согласия мужа. Ходатайства на имя земских начальников и волостных старшин свидетельствуют о частых обращениях женщин на получение паспорта без согласия супруга.

Информацию о составе занятых в промышленности и сельском хозяйстве края, в ремесленном и кустарном производстве можно проследить по делам фондов Олонецкого губернского статистического комитета (Ф. 27), Канцелярии олонекского губернатора (Ф. 1), Олонецкого губернского правления (Ф. 2). Однако не все источники отражают половозрастную специфику. Например, в ведомостях Олонецкого губернского статкомитета о заработках населения губер-

нии год от года очерчивалась лишь общая картина развития ремесел [18]. В отчетах же олонеккого губернатора имеются сведения об оплате труда в сельскохозяйственном производстве отдельно для мужчин и женщин [19]. Эти и другие данные свидетельствуют, что оплата женского труда была почти в два раза ниже мужской при одинаковой занятости. В издании начала XX века отмечалось, что женские заработки в лучшем случае доходили до 50–90 руб., но в среднем составляли 10–25 руб. в год при постоянном занятии ремеслом и 1–15 руб. – при временном [12; 88]. Несколько раньше было опубликовано исследование, посвященное кустарным промыслам Олонецкой губернии [11; 98–102]. Обе работы затрагивали вопрос о состоянии женских промысловых занятий и ставили целью не простое их описание, а привлечение внимания властей к данной проблеме для улучшения условий сбыта, повышения конкурентоспособности местных товаров на внешних рынках, в частности, через освоение новых технических приемов изготовления продукта. Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку в большинстве случаев главным «рынком сбыта» изделий, произведенных женщинами, так и оставалась семья.

Праздник для крестьянской женщины был временем отдыха, хотя в воскресные и праздничные дни она не освобождалась от повседневной домашней работы: приготовление пищи, кормление скота, уход за детьми, то есть типично женские виды работ, считались непроизводительными и потому разрешались. Информация о досуге карельской женщины практически не отложилась в документах официального делопроизводства (переписка, отчеты и другие материалы). Архивные документы официального характера обычно очерчивали лишь общую канву событий праздника (Ф. 1, 25, 151). В то же время в очерках можно встретить отдельные свидетельства участия женщины в семейных праздниках, различного рода развлечениях и торжествах. Чаще всего это описания предсвадебных приготовлений и свадебных церемоний. Женщина также обязательно присутствует в описаниях ритуально-обрядовых действий в связи с рождением или крещением ребенка, а также в связи с похоронами. Достаточно часто авторы обращались к теме молодежных бесед и посиделок [2], [3], [4], [7], [14].

Анализ опубликованных и архивных материалов позволяет взглянуть на документ с точки зрения отражения и конструирования гендера в различных национальных традициях, а также ввести в оборот новые источники и по-иному истолковать уже известные материалы. Реалии Олонецкой губернии указывают на то, что упоминание о жизни крестьянки в официальных источниках было связано с экономическими интересами государства прежде всего в сфере сельского хозяйства, кустарного производства и различного рода промыслов. Статистические данные, в которых присутствуют сведения относительно женщин, зачастую ограничиваются информацией в целом по губернии или уездам, что лишает исследователя возможности конкретизировать цифры отдельно для карельского и русского населения. Исключениями являются протоколы съездов земских врачей, отчеты которых касались различий в состоянии врачебно-санитарного положения в волостях с русским и карельским населением, а также отчеты по народному образованию, демонстрировавшие низкую посещаемость девочками-карелками школ. За время деятельности волостных правлений, земских начальников, уездных управ, контактировавших в большинстве случаев с крестьянским населением, отложились дела, которые дают возможность проанализировать частоту «женских» и «мужских» обращений, состав прошений и ходатайств. Но за границами интересов государства остались такие стороны жизни женщины, как домашняя работа, взаимоотношения между членами семьи и общины, участие в праздничных мероприятиях, вопросы социализации и т. д. Данный информационный пробел восполняют источники этнографического характера. Итак, благодаря официальным данным мы имеем возможность выявить место крестьянской женщины в сфере интересов государства, роль в крестьянском сообществе, а материалы этнографического характера вырисовывают те местные реалии, которые придавали неповторимый колорит региональным и локальным социальным трансформациям.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

ИСТОЧНИКИ

1. А.-в. Галаша // Олонецкие губернские ведомости. 1905. № 63. С. 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magview.shtml?id=1450&page=2>
2. Благовещенский И. Посиделки в окрестностях города Олонца // Олонецкие губернские ведомости. 1878. № 94. С. 1135 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=4172&page=9>
3. Георгиевский М. Этнографические заметки. Святозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 18. С. 163 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=772&page=5>
4. Георгиевский М. Д. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 14. С. 3–5; № 15. С. 4–6; № 16. С. 8–10; № 20. С. 3–6.

5. Гурвич Б. Очерки преступности и порочности в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 46. С. 3; № 47. С. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=1698&page=3>
6. Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233.
7. Из быта и верований карел Олонецкой губернии. Праздники у карел // Олонецкие губернские ведомости. 1894. № 85. С. 9–10.
8. Камкин Н. Архангельские карелы (этнографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI. № 4. С. 651–673.
9. Колясников А. Я. Материалы для изучения народных юридических обычаев. Народные юридические обычаи карел, живущих в Олонецком уезде // Олонецкий сборник. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 43–54.
10. Копяткевич В. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие с 1897–1911 гг. // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. Т. 2. № 5–8. С. 97–111.
11. Кустарная промышленность в Олонецкой губернии / Сост. И. И. Благовещенский, А. Л. Гарязин. Петрозаводск: Губернская типография, 1895. 125 с.
12. Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии / Сост. Н. Г. Простнев, Н. Ф. Меледин. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1905. 331 с.
13. Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 499–511.
14. Минорский П. Олонецкие карелы и Ильинский приход Олонецкого уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 61. С. 731–732 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3223&page=9>
15. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 9/72, 10/91.
16. НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 27/282, 42/472. 202.
17. НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 46/561, 46/570.
18. НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35/1, 37/3, 37/7, 42/2.
19. НА РК. Ф. 27. Оп. 6. Д. 1/1, 1/8.
20. НА РК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 4/44.
21. НА РК. Ф. 180. Оп. 1. Д. 7, 12, 14.
22. Никольский В. Обычаи, приметы и причитания карельской свадьбы (из записок и дневников) // Олонецкая неделя. 1916. № 30. С. 9–13.
23. Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки – Кандалакша). По материалам исследования летом 1921 г. // Труды Института по Изучению Севера. Вып. 36. М.: Издание научно-технического управления В. С. Н. Х., 1927. 235 с.
24. О Карелии // ИАОИРС. 1913. № 6. С. 253–262.
25. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. 172 с.
26. Протоколы заседаний Второго съезда земских врачей Олонецкой губернии и сообщения врачей делегатов о состоянии медицинской части в уездах губернии 1896 года / Изд. Олонец. Губ. Земской Управы. Петрозаводск: Губ. тип., 1897. 147 с.
27. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. Свод законов гражданских. СПб.: Государственная типография, 1887. 415 с.
28. Состояние начальных народных училищ Повенецкого уезда за 1907–1908 г. // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 6. С. 3–4.
29. С. Мученики нужды и невежества // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 5. С. 16–19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

30. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
31. Женская и гендерная история Отечества X–XXI вв.: новые проблемы и перспективы. М.: ИЭА РАН, 2009. 68 с.
32. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
33. Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М.: РГГУ, 1997. 385 с.
34. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.
35. Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
36. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.
37. Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования в исторической науке // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 166–186.
38. Пчелов Е. В. К вопросу о принципах классификации исторических источников // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на второй Всероссийской конференции, 12–13 марта 1996 г. М., 1997. Вып. 1. С. 198–200.
39. Репина Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.
40. Румянцев М. Ф. Источниковедение в системе актуального гуманитарного знания // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». 2008. № 4. С. 31–46.
41. Русина Ю. А. Научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского (к вопросу о теории и методологии источниковедения) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.usu.ru/dais/vols/vol2.htm>
42. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. 172 с.
43. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
44. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X – начало XIX в.: невеста, жена, любовница. М.: Ладомир, 1997. 366 с.
45. Юкина И. И. История женщин России: женское движение и феминизм в 1850–1920-е годы: материалы к библиографии. СПб.: Алетея, 2003. 232 с.